

Духовенство и общество

I.

Наблюдая за жизнью и положением духовенства, встречаем в нём странные несообразности и противоречия. Духовное звание, особенно звание священника, есть высокое и почтеннейшее. Священник несёт миссию апостольскую; ему поручено дело Божие, дело Христово; он представитель и проводник учения Христова и нравственности христианской в люди Божии; чрез него идут освящения домашнего быта христиан. Пастыря Церкви мы видим и у постели умирающего, и на нивах земледельческих. Он поставлен быть умиротворителем смущённой совести своих пасомых и их семейных неустройств — и освятителем душ их посредством святых таинств. Словом: пастырь Церкви встречает появление в мире человека-христианина и провожает его в загробную жизнь. В христианском мире, в христианских учреждениях мы не можем указать ни одного места, ни одного обстоятельства, в котором бы излишне было присутствие пастыря Церкви, если бы он захотел проводить во всё животворный дух православной религии. Усвояя такое важное значение за пастырем Церкви, ожидалось бы, что ему будет отдаваемо подобающее почтение и уважение, что это будет личность, которую будет дорожить общество, как дорого ему должно быть благо религии. Между тем опыт и наблюдение представляют нам крайне противоречивые явления. Мы видим пастыря Церкви на первом месте за службами церковными, за столом у прихожан, когда случится у них в доме духовная треба — и только! Вне церкви, вне этих нужд те же самые прихожане, отдающие ему почтение по требованию этих нужд, совершенно иначе относятся к нему, поставляются в такие чуждые положения, что и приметить нельзя, что это их дорогой — нужный человек. Барская смесь, потеряв свой кредит в крепостном сословии, за немногими счастливыми исключениями, с презрением относится к лицам духовным. В этом мире лица духовного сословия не называются иначе, как устарелыми именами — *попов* и *попадаей*. Если им захочется посмеяться над кем, то довольно назвать того или ту — попом или попадѐй. У читателей наших ещё в памяти факт, возмутивший всё духовное сословие, как «Гражданин» — этот псевдо-орган мира великосветского, сделал покушение на опозорение одного из доблестнейших наших протоиереев, вполне заслуженно пользующегося уважением не только среди православного духовенства, но и среди католического мира. Какого же после того ждать уважения прочему духовенству православному? *Аще в сурове древе сие творят — в сусе что будет?* Купеческое сословие как будто не стоит враждебно к духовенству, но это только до поры, до случая. Если священник не уважил чем купца, например, не пришёл к нему в праздник к первому со святой водой (как водилось истари), не почтил его просфорюю, заставил его подождать совершением заказного молебна, сделал ему пастырское наставление за какой-нибудь видный проступок: вот и кончится уважение его к своему духовному отцу, вот и начнутся неприятности. Купцы именитые в приходе — это сила, которая держит в страхе своего пастыря. К ним в дома, во время своих визитаций, приезжают с визитами губернаторы и архиереи — и оказывают знаки своего почитания. Священнику, скромному пастырю Церкви, с ними тут нечего делать. Он силою обстоятельств сам должен заискивать расположения их, чтобы ему было благо. И мы знаем немало таких фактов, что купец привозил от владыки своему священнику набедренник. Выдавая ему архипастырскую награду, купец с уверенностью говорил своему батюшке: «будешь служить по-прежнему — и скуфья тебе будет!» Крестьянское сословие всего ближе к духовенству, потому что домашний быт того

с. 1

с. 2

*Свирилин, А. И. Духовенство и общество / А. И. Свирилин // Церковно-общественный вестник. — 1874. — 1 сентября (№ 101); 4 сентября (№ 102); 6 сентября (№ 103); 13 сентября (№ 106); 15 сентября (№ 107); 18 сентября (№ 108); 20 сентября (№ 109); 22 сентября (№ 110). — С. 1—3; 1—2; 1—2; 1—2; 1—2; 1—2; 1—2.

и другого сословия почти одинаков. Но в общей массе нигде священник не встретит столь грубых и тяжких оскорблений, как в среде крестьянской. Пьяный мужик не посмеет сказать грубость самому мизерному приказному; но, встретя на пути своёго священника, он не пропустит случая прогуляться на его счёт в самой грубой форме. С глазу на глаз он, пожалуй, и поклонится священнику, пожалуй, подойдёт и под благословение и скажет: «прости, батюшка, меня грешного»; но лишь отойдёт от него несколько шагов, как разразится бусловием и срамословием. Интересно наблюдать эти ненормальные отношения между обществом и духовенством на железных дорогах и пароходах. Здесь пастырь Церкви совершенно стирается с лица земли. Обыкновенно едет он в 3 классе и здесь без всякого стеснения подвергается насмешкам и презрению со стороны каждого, кто только захотел бы посмеяться над ним. Здесь, ни к селу ни к городу, подвыпивший купчина, сидящий с ним в одном вагоне, без всякой церемонии рассказывает анекдоты про попа и попадю, чтобы потешить окружающую его публику, здесь пьяный мужик без всякого стеснения облакачивается на его плечо и закуривает его своей махоркой. Чтобы попокоить в дороге священника, уступить ему более выгодное место — этого и не заведено, этого он и не дожидается. Сидит, например, священник один на скамье, против него также сидит один какой-нибудь купеческий сынок или кто-нибудь из светских, новый пассажир всегда подсядет к священнику и не обеспокоит светского, а священник не смеет ему и указать на другое свободное место из опасения подвергнуться оскорблениям. Гораздо снисходительнее в этом случае отнесётся к священнику татарин или еврей, чем православный человек. И такие неправильные отношения общества к духовенству существуют не в одном каком-нибудь месте, например, в местах польшизны и еврейского населения; нет, они существуют везде, где только есть наше духовенство — от Ледовитого океана до Чёрного моря, от границ Австрии и Пруссии до глубоких снегов Сибири. Эти ненормальные отношения возбуждают удивление в честных душах лиц даже иноверных. Недавно нам пришлось слышать справедливый отзыв о нашем духовенстве от одной иностранки лютеранского вероисповедания. «Родом я, — говорила она, — из самой Пруссии, три года как живу в России. Наблюдая здесь за жизнью общества, я была поражена тем невежеством, тем невниманием, тою апатиею, какие оно проявляет к своему духовенству. У нас, лютеран, пастор пользуется полным уважением всегда и везде. Если он с женой придёт к кому из нас в дом, сиди у нас в это время князь или граф — пастору с его женой всеми отдаётся самое искреннее, усердное уважение и почтение. Здесь же, в России, духовенство как-то забито, заброшено, уединённо, оторвано от общества — не соединено с ним жизнью — и нет к нему надлежащего уважения; отчего это — не знаю».

В самом деле — отчего это наше духовенство находится в таких ненормальных отношениях к обществу? Где причины такого печального положения его?

Светская печать, в объяснение ненормального положения духовенства в среде общества, обыкновенно ссылается на само духовенство и находит причины того в нём самом. Говорят, что «духовенство ни по образованию, ни по жизни своей не заслуживает сочувствия и уважения к себе, что оно, в частности, необразованно и нет у него живого проповедничества, что оно недейтельно, грубо, корыстолюбиво и нетрезво». Так ли это в самом деле? Действительно ли эти причины довели его до такого грустного положения?

Говорят: «духовенство наше необразованно». Об этом писали уже тысячу раз и доказали, что называется, по всем циркумстанциям, что духовенство наше не так необразованно, как его обыкновенно рекомендуют почтеннейшей публике. В последнее время это стало быть ещё осязательнее: повсеместное распространение народных церковно-приходских школ, умножение духовных журналов, умножение книг религиозно-нравственного содержания, сборники проповедей епархиального духовенства, епархиальные ведомости как орган духовенства, очень ясно доказывают, что духовенство, кроме служебных обязанностей, может рекомендовать себя и со стороны умственного развития. Кажется, господа, упрекающие духовенство в необразованности, сами не имеют правильного понятия об образовании. Они под образованием обыкновенно разумеют не развитие сил человеческого духа, а дрессировку светского человека, усвоение приёмов паркетного полотёра, услужливого дамского угодника, изысканного в обхождении, умеющего играть на рояле и ловко танцевать. Понятно, что под этот тон образования духовенство подойти не может, и кто будет мерить его этою скудоумною мерою, тот никогда не дожждётся желаемого ему образования в духовенстве. Какая образованность нужна для духовенства? Ему поручено дело Божие, апостольское, а не человеческое. Оно должно быть, главное, хранителем чистоты православной религии — и проповедником и истолкователем её. В этом главном предмете и должна сосредоточиваться образованность духовенства. Другие знания нужны ему насколько, насколько они могут помогать ему в уяснении истин

веры и правил христианской нравственности. Для приобретения этой образованности и учреждены специальные духовно-учебные заведения, в которых стройно и гармонически даётся будущему пастырю Церкви всё, что необходимо для его религиозного образования. И мы уверены и знаем по опыту, что окончивший курс преимущественно в нынешних преобразованных семинариях, получает очень удовлетворительное богословское образование, чтобы ему быть проповедником религии и охранителем её в сане пастыря Церкви. Не берите приходы столичных и губернских городов, в которых, конечно, много найдётся пасомых и с богословским образованием (впрочем, и эти по большей части получили это образование в тех же духовно-учебных заведениях). Возьмите вы приходы провинциальных городов, приходы сельские — из кого они состоят? Это в громадном большинстве всё люди тёмные, не знающие основательно и начатков христианского учения. Есть в провинциальных городах люди, служащие на разных поприщах государственной службы, люди, получающие до 2-х тысяч в год жалованья — люди, главным образом и считающие себя людьми образованными, люди, тоже рассуждающие иногда и о предметах религиозных. Прислушайтесь к ним, как они рассуждают: какая пустота и крайнее невежество у них в знании предметов веры! Им дорого не благо религии, а приятно только задавать вопросы, унаследованные нигилизмом и материализмом. Изъявляют желание рассуждать о религии, а, например, евангелия в течение года не брали в руки! И вот этот по преимуществу народ кричит на весь мир, что наше духовенство необразованно! Нет, духовенство наше, как оно ныне образуется, ничем не хуже, если не лучше, духовенства католического. Каждый истинно верующий во Христа и глубоко преданный религии никогда не скажет, что духовенство необразованно. Не говоря о сельских приходах, в большинстве приходов провинциальных городов православный священник есть единственная личность, окончившая курс в среднем учебном заведении с полным богословским курсом. Даже гимназии выпускают своего воспитанника только с знанием пространного катехизиса, который в духовных учебных заведениях проходится с успехом в низших училищах. Служащие лица провинциальных городов — предводители дворянства, исправники, председатели земских управ, городские головы, мировые судьи — в большинстве суть люди или домашнего прежнего образования, или учившиеся в уездном училище с грехом пополам, или (что считается великою роскошью) бывшие год или два вольнослушателями в университете или лицее, но не получившие, конечно, никакого аттестата о своих успехах. Итак, о необразованности нашего духовенства может говорить только человек, совершенно незнакомый с делом образования, каково оно должно быть по специальной задаче духовно-учебных заведений. Мы не говорим здесь о низших членах духовенства — дьячках и пономарях, по большей части исключённых из учебных заведений за малоуспешность и неспособность к продолжению учения. Эти лица всегда служили тяжким бременем для пастыря Церкви — и вина не его, если они всё ещё остаются в клире церковном. Нам дорога должность пастыря Церкви, нам горько, что его совершенно напрасно обличают в необразованности.

с. 3

II.

Продолжаем рассмотрение упрёков, делаемых духовенству.

Говорят: «у духовенства нет живого проповедничества». Кто же это говорит? Говорят опять те же не посвящённые в тайны богословского образования. Лицам этим нужно в проповеди не раскрытие богооткровенных истин, а внешний лоск, эффект, светскость. Лица эти особенно не любят в проповеди текстов Священного Писания. «Что за проповедь? Одними текстами набита». И понятно такое равнодушное приветствие проповедника: *ибо душевен человек неприемлет, яже от Духа Божия*. Скажите им с церковной кафедры произведение человеческое, обставьте его эффектным произношением — мы уверены, что проповедь эта будет встречена похвалами. Но в деле Божиим не похвалы нужны, а нужен плод духовный, и пастырь Церкви крайне ошибётся, если будет добиваться этих похвал: это будет торговля делом религии, и притом пустая, бессодержательная. Проповедь должна быть запечатлена духовным помазанием и иметь главную целию научить православной вере наследие Божие и побудить его к благочестному житию. Если пастырь Церкви искренно и усердно отнесётся к этой задаче церковного проповедничества, то обязанность его, как проповедника, может считаться честно выполненною. Пусть ему не будет восторженных похвал: но и проповедь апостольская подвергалась в своё время насмешкам и хулениям. Сердце верующее, доброе, будет довольно такою

с. 1

проповедию и принесёт плод в терпении. И мы уверены, что редкий из окончивших полный семинарский курс не может написать такую проповедь.

«Нет живого проповедничества у духовенства!» Но проповеднический живой талант не может быть достоянием каждого священника. Талант этот не может дать школа; он развивается высшим богословским, усиленным трудом и немаловажной практикой. Сельский священник, принуждённый часто снискивать насущный хлеб в поте лица, не имеет ни средств, ни времени для продолжения своего образования. Поступивши на приход в среду тёмную, он не встречает себе толчков к самообразованию. Он видит, что по богословскому образованию своему стоит выше прихожан целою головою, и уверен, что на его век станет его, чтобы преимуществовать над ними богословскими познаниями, почему и вдаётся в апатию. Не похвально, конечно, это качество: мы его сами осуждаем; но при этом просим выслушать и смягчающие его обстоятельства. Проповеднический талант в практике развивается потребностями и запросами каждой пасты. Если не высказываются этих потребностей, то против чего и против кого воин духовный, облечённый во оружия Божия, будет воевать и подвизаться? Если бы прихожане были внимательны к своим духовным нуждам, если бы почаще испытывали свою совесть и анализировали свои направления, чаще, по движению своего сердца, обращались за советом и наставлением к своему пастырю в своих недоумениях и сомнениях, в своей борьбе с грехом и пороком, то развилось бы и проповедничество, и слово пастыря было бы сильно и не пропадало даром. В настоящее время прихожане живут совершенно отдельною жизнью от пастыря Церкви. Они обращаются к нему тогда только, когда надобно ему у них совершить требу — и видят в нём только какое-то официальное лицо, которому за труд надобно заплатить. Свои душевные болезни и смущения совести они приносят ему только раз в год на исповеди, которая при 50 или 100 исповедниках не представляет удобства к тому, чтобы как должно побеседовать духовному врачу с больным душевно, отчего и это великое христианское дело обращается по большей части в один обряд. Священник таким образом может видеть в своём приходе одно общее направление его, и не может знать душ прихожан, как они развиваются в религиозно-нравственном отношении. Вот почему и проповедь пастыря Церкви содержит в себе большею частью общие предметы религиозные. Ему каждый раз приходится *сочинять* проповеди, обдумывать, о чём ему проповедовать; тогда как при ближайшем знакомстве с жизнью прихожан он, не сочинявши, может прямо давать полезные врачевства к душевным болезням их — и слово проповеди его должно быть тогда сильно и действенно. Таким образом, если жалуются на проповедничество пастырей Церкви — то надлежало бы прежде всего жаловаться на самое общество, что оно само удаляется от них, не раскрывает пред ними своих духовных потребностей, тщательно скрывает свои болезни душевные. Но и в настоящем виде, помимо известных славных проповедников, проповедничество наше ничем не хуже проповедничества католического. Мы слышали проповеди католических ксёндзов в разных местностях нашего отечества и решительно ничего не нашли преимущественного пред проповедничеством православных священников. Разве то поставить в большую честь первым пред последними, что они больше произносят трескучих фраз, больше размахивают руками, да иногда к проповеди прилагают оповещения о браках, в какой день они имеют быть совершены и между какими лицами!

с. 2

Говорят: «Духовенство не деятельно». Каждая должность имеет свои обязанности. Если эти обязанности выполняются честно, без опущения — чего ещё спрашивать с исполнителей? Обличители духовенства, как видно, не вполне понимают сущность возложенных на него обязанностей. «Велик ли, говорят, труд отслужить обедню спозаранок — и потом целый день предаваться праздности?» Чужой труд всегда кажется малым, а труд священника по священнослужению тем более не виден, что обличители его в это время ещё предаются приятному сну. Пусть же каждый обратится к своей совести и спросит себя: легко ли ему только раз в год исполнить христианский долг исповеди и святого причащения? Не считают ли многие трудом необычайным встать к утрени в светлое воскресенье, когда из-за этого раннего вставанья не стыдятся проспять торжественную обедню в этот день? А священник, когда служит обедню, всегда так готовится к святому причащению, как готовится христианин-мирянин однажды в год. Если священник отслужит обедню три или четыре раза в неделю, а очень многие священники, особенно в городах, служат каждый день, за весьма редкими исключениями, — разве этот один труд духовенства не достоин внимания? Разве это малый труд? Положим, обедня иногда отходит в то время, когда прочие служащие ещё почивают, но ведь обедня посерьёзнее всякой другой службы. Она, кроме сил и способности совершения, требует благоговейного, мирного настроения со стороны священника и достойного приготовления

по церковным канонам. Для совершения её священник накануне должен совершить вечерню, навечерие, исполнить вечернее правило, состоящее из канонов, акафистов и молитв; поутру должен совершить полунощницу, утреню, вычитать последование к святому причащению — и потом уже совершить литургию. Если на этот труд смотреть с прямой точки зрения, то он может поравняться с любым трудом общественных должностей. С вечерни предыдущего дня начинается уже подготовка к святейшему таинству, и хотя о неё до литургии остаётся ещё много времени, но на душе и совести священника лежит забота о благоговейном сосредоточении своих мыслей и чувства, о сохранении себя в чистоте и ограждении от всех искушений. Побудьте часов 9 в этом душевном настроении — и тогда вы скажете правду, чего стоит священнику отслужить литургию. Это окажется потруднее, нежели составить какой-нибудь журнал заседания или протокол. Даже если считать труд священнослужительский только как труд телесный, механический, то и тогда он может померяться с трудом приказно-служительским: вечерня с навечерием продолжается по крайней 1½ часа, вечернее правило 1 час, полунощница и утреня 1½ часа, чтение последования ко причащению ½ часа, литургия 1½ часа — итого 6 часов: служащие светские обыкновенно начинают свою службу с 9 или 10 часов утра и кончают её в 2 или 3 часа пополудни, то есть служат тоже не более 6-ти часов. После своей службы светские располагают временем как только им хочется, а священник каждый час должен быть готов к исполнению служб и вне церкви. Часто так и бывает: выходит он из церкви после совершения церковной службы, а у дома его дожидается прихожанин звать его в деревню для напутствования больного; эту потребу совершил он, приезжает домой, а там дожидается другой крестьянин, приглашающий его в другую деревню крестить младенца. Требы эти часто бывают и ночью, и священник не посмеет не только отказаться от совершения их, но и долго заставлять себя ждать. У него не назначено часов для приёма, — двери его дома открыты каждому требующему его во всякое время; и тогда как, например, незначительного лекаря зовут-зовут к больному — и когда-то он ещё соберётся приехать, — священник спешит по первому зову к каждому крестьянину, не дожидаясь часто окончания своего скромного обеда или ужина. Велика важность, говорят, совершить требу! Но никто не говорит: велика ли важность лекарю посмотреть язык больного и написать рецепт слов в 5? Попробуй кто сам сделать опыт трудов священника и притом так, чтобы и при совершении требы, как дела священного, сохранить всегда величие и честность священного сана: тогда понятен будет труд священнослужительский. Независимо от исполнения своих пастырских обязанностей сельский священник по большей части для поддержки своего содержания должен заниматься земледельческим трудом, который он исполнял наравне с крестьянином. Свободные от труда земледелия священники занимаются обучением крестьянских детей в народных училищах или ничего не получая за свой труд, или получая такое ничтожное вознаграждение, за какое ни один сторож не согласится служить. Итак, обвинять духовенство в недеятельности совершенно несправедливо и неосновательно.

III.

Оканчиваем рассмотрение обвинений, которыми награждают духовенство его противники.

с. 1

Говорят: «Духовенство грубо, черно, корыстолюбиво и нетрезво». Духовенство грубо, черно; но здесь опять понимают грубость только с одной внешней стороны. Лицо духовное, например, стесняется сидеть за барским столом, не может с ловкостью светского человека обходиться с изысканными ястями и богатым сервизом — вот оно и грубо. Лицо духовное идёт, например, в простой, часто поношенной одежде и обуви: опять оно грубо, черно. Но кто не знает, что внешняя обстановка жизни зависит от получаемых каждым средств жизни. Какого лоска в жизни хотите вы, например, у причетников, когда очень многие из них получают в год денежного дохода от 30 до 50 рублей? Надобно ещё дивиться, как этот народ, иногда обременённый семейством, живёт и не ходит по миру! В других сословиях при таких средствах жизни не стыдятся просить Христа ради. Если обратить внимание и на доходы священника, то и они сравнительно с другими служащими лицами окажутся ничтожными, — даже по новым штатам об улучшении быта духовенства доходы священника самостоятельной церкви определены нормою 400 рублей. Приглашаем друзей человечества взглянуть на эту норму доходов, положить руку на сердце.

Можно ли даже порядочно жить на эту ограниченную сумму священнику с семейством? В практике такие средства оказываются ничтожнее средств каждого порядочного крестьянина. Крестьянин платит оброк; но зато о требованиях приличной жизни ни сам он не заботится,

ни другой никто не спрашивает их с него. Серый кафтан и полушубок — вот и весь его наряд и семьи его; а летом он и в том не имеет нужды. Священник тоже платит оброки и в земство и в городскую думу, и на духовные училища и семинарии, и на консистории, и на благочинных, и в попечительства о бедных духовного звания, и на женские епархиальные училища, и на застрахование своих строений; но всё-таки жить ему нельзя так, как крестьянину. Он и сам должен заботиться о приличии узаконенной для него одежды, равно как и об одежде своего семейства. Если он имеет детей в училище или семинарии, то начальство этих заведений не допустит, чтобы они ходили кое в какой одежде. Таким образом, при самом искусном экономическом расчёте из того нормального оклада в 400 р. у священника к концу года, кроме долгов, ничего не должно остаться. Дайте ему жалованье хоть такое, какое полагается члену управы, хотя бы и крестьянину, например в 700 р., тогда вы не встретите той грубости и черноты в жизни, которые вас возмущают. Но в собственном смысле грубости, грубых пороков, в духовенстве нет. Разврата, который с ужасающей силою свирепствует в других сословиях, нет; мотовства нет, напротив, хозяйство хотя и бедное, у каждого члена причта не расстроено; гордости тоже нет, — напротив, духовенство само всем низко кланяется. Упрекают его в корыстолюбии; но это опять упрёк неосновательный. Духовенство поставлено в печальную и грустную необходимость собирать свои средства к жизни чрез протягивание руки за исполняемые им требы: вот и кажется со стороны, что оно корыстолюбиво. Ну, торгуется ли священник, когда его просят совершить какую-нибудь потребу, как торгуются, например, зачастую лекаря, адвокаты и тому подобные? Что дадут ему за неё, тем и доволен бывает и не считает, сколько дали ему. Уничтожьте в духовенстве нынешние унижительные средства добывания доходов, тогда вы увидите в нём честность и бескорыстие во всём их блеске.

с. 2 Упрекают духовенство в «нетрезвости». Отвергать существования этого порока нельзя; но надобно знать, что духовенство составляют не одни пастыри Церкви, священники, но и низший клир, то есть не окончившие курса семинарии диаконы, исключённые из училищ дьячки и пономари. За этот народ поручиться нельзя по его малообразованности. В среде же пастырей Церкви, особенно молодых, порок этот весьма редок. Если же к тому обратим внимание на те условия, которые способствуют развитию этого порока в духовенстве вообще, то он не может казаться так преступен, как его представляют. Нетрезвость в духовенстве не есть какая-нибудь язва, разбивающая благосостояние домашнее, как это зачастую водится в других сословиях, — кутежа самовольного и своевольного нет в духовенстве. Где она открывается? Где источник её? Духовенство вообще ведёт крайне замкнутую жизнь; оно знает только свой дом и приход, когда там случится нужда в нём. В приходе приглашается оно или на радостные случаи, например на крестины, свадьбы, именины, праздники, или на печальные, например на поминки. Те и другие случаи по глубоко врезавшемуся в жизнь обычаю обставляются обильными ястями и питием, а в сельских приходах часто одним питием с сухоядием. И это дело так поставляется, что хозяин непременно принимается усердно потчевать причт. Крестьянин, например, попотчевав своего батюшку водкой и встретив в нём отказ, поставляется и сам и вся его семья в немалое смущение и стеснительность. Он в своей голове никак переварить не может, чтобы можно было, например, праздновать, не выпивши. Если он знает к тому же, что священник может пить водку, — то отказ его прямо сочтёт обидой для себя. Слабые натуры в духовенстве действительно иногда не выдерживают этого испытания и морщатся, да пьют. Низшие члены причта, угнетаемые бедностью, не имеющие у себя в доме порядочного стола, не говоря уже о питии, рады бывают даровому ястию и питию, которое в поименованных нарочитых случаях бывает обильно, и предаются невоздержанию. Нетрезвость в духовенстве замечается больше всего во дни хождения с крестом по приходу в праздники Рождества Христова и в Пасху и в так называемые крёстные ходы в деревне. Дело понятное и даже не необыкновенное. В эти дни в редком доме не бывает угощения, которое по понятиям крестьянина немислимо без вина. Представьте же это угощение домах например в 15-ти, при настойчивом потчеванье хозяев дома, и опьянение не будет казаться чем-то необыкновенным. Сильные характеры выстаивают против этих искушений. Священники, имеющие посторонние средства к жизни, например от учительства и за поручительства, не обращают внимания на грубые капризы прихожан и твёрдо идут трезвым путём в своём пастырском действии: но священники бедные, заискивающие у каждого прихожанина расположения себе, дорожащие каждым ничтожным их подаaniem, сближаются с прихожанами и на этом грешном пути. Это факт замечательный, и нужно бы принять его к сведению наблюдающим за жизнью духовенства: члены причта более состоятельные почти всегда трезвы, а бедные члены причта в большинстве допускают нетрезвость. У низших членов причта — дьячков и пономарей нетрезвость могла бы быть ограничена

установлением более правильной подчинённости их к священнику. В настоящее время священник считается настоятелем церкви; но что это за настоятель, когда он решительно не может самостоятельно управиться с своим причтом? Дьячок, например, пьянствует, не ходит к службам, а священник не только не может отказать ему за это от места, без суда и следствия, — но даже лишить его и части доходов. Нынешняя процедура этих судов и следствий до того сложна и запутанна и нетвёрда в уяснении справедливости дела, что священник только во избежание её терпит пьяного члена причта до тех пор, пока он сам не попадёт в более крупное преступление и подпадёт суду гражданскому. Для незнакомых с этою процедурою мы вкратце представим её: священник сначала должен подать заявление о пьянстве причетника ближайшему начальству — благочинному, который отмечает и поведение причетника. Священник относится к благочинному с рапортом, а причетник с поклоном... первая запятая. Если же благочинному покрыть нельзя пьянства — то он должен отнестись к архиерею, а сей на суд консистории. Консистория назначает следствие из других лиц, устраняя благочинного. При следствии спрашивают прихожан, которые за поклон виновного и по своему снисходительному взгляду на этот порок — часто выхваляют пьяницу лучше самого священника трезвого. Следствие сводится к тому же снисходительному тону и отсылается в консисторию. Последняя даёт своё заключение и препровождает его на архипастырское усмотрение. Тянется это дело месяца четыре — и по большей части кончается ничем, или уж много, много — пошлют виновного на месяц под начал в монастырь. Между тем священнику во всё время производства следствия приходится служить священные службы с тем же дьячком — и на суде стоять вместе с ним и давать ответы следователям; да и после суда, после выжития назначенного времени под началом — виновный опять возвращается в тот же приход, к той же церкви, к тому же священнику. Сколько нравственных пыток должна вынести душа священнослужителя! Сколько неприятностей и опасений за будущее должен потерпеть он! Рассерженный доносом священника, дьячок подстерегает каждый шаг его, сеет плевелы между прихожанами, наушничает благочинному и прочее и прочее. О стыде и совести он имеет малое и слабое понятие — и потому неразборчив на средства, лишь бы уязвить чем священника. Это печальная сторона жизни духовенства. Был затронут когда-то вопрос о вольнонаёмных причетниках; но он так и остался неразрешённым. Если уж для красоты иерархии непременно нужно оставлять низших членов причта, то их бы следовало подчинить совершенно не благочинному, часто знающему их только по слуху, но священнику — как настоятелю. Ретрограды отстаивают нынешний строй жизни духовенства в силу каких-то старых преданий и хотят всеми силами удержать его: но они, бедные, и не видят, что, удовлетворяя своё самолюбие этим отстаиванием, год от году более и более низводят духовенство с подобающего ему места. За всем тем, говоря строго и по справедливости, нетрезвость, замечаемая в духовенстве, не есть какой-нибудь порок наследственный; но она могла бы быть незаметною при более правильной постановке жизни духовенства, при изменении обветшалых форм его администрации.

IV.

Мы подробно рассмотрели упрёки, делаемые духовенству, и как каждый усмотрит, упрёки эти очень неосновательны и незаслуженны; следовательно, они не могут служить истинными причинами униженного положения его в среде общественной. Стало быть, есть другие причины, действительно поставившие в такое безотрадное положение. В настоящий раз мы займёмся рассмотрением и указанием этих причин. Признаёмся наперёд, причины эти очень важны и не придутся по вкусу обличителям духовенства. Но молчать о них мы тоже считаем преступлением. Страдает ведь целое сословие, и притом по задачам и целям своим самое важное, как представитель и проводник православной религии в православном государстве? Ведь если в христианском обществе во главе всех учреждений должно быть проводимо религиозно-нравственное направление, то как не обратить внимания на представителей и проповедников религиозно-нравственных начал? Мы укажем настоящие причины, поставившие духовенство в печальное положение — и предоставляем друзьям человечества посерьёзнее вдуматься в это сословие и дать ему настоящее место в жизни общественной. Придумывайте какие угодно меры к подобающей постановке его, но не оставляйте его в том положении, в котором оно состоит теперь. Разрушайте до основания это ветхое здание, в котором оно силою обстоятельств поставлено жить, и стройте новое, — только не откладывайте строения до более благоприятного времени; иначе оно падёт под развалинами.

с. 1

Духовенство наше не имеет прав гражданских и не введено в общественное положение. Что оно не имеет прав гражданских — это осязательно доказывают опыты добровольного сложения священного сана некоторыми священниками. Такие священники, бывшие в своё время примером безукоризненной жизни в сане священном, имевшие даже монаршие награды, по сложении сана восстанавливаются только в тех правах, которые они заслужили по рождению и воспитанию: должность священническая пропадает таким образом бесследно. И эти права дарованы только в нынешнее царствование от щедрот Монарших; прежде и того не было. Другим не менее важным доказательством бесправности духовного сана могут служить определённые статуты наград за службу в светской службе. Каждый мизерный приказный, исключённый из низших училищ за безграмотность или вовсе нигде не учившийся, прослуживши 35 лет и во время службы, как говорят, переписывавший с белого начерно, награждается орденом святого Владимира и получает дворянство. Священники, честно прослужившие и более 35-ти лет, ничем не награждаются; для их службы не положено никакого статута. Существующие награды — скуфьи, камилавки и кресты — суть не более как украшения, не соединяющие с собою никаких особенных прав и привилегий. И эти награды даются священнику не за какую-нибудь определённую службу или за какое-нибудь определённое дело, а зависят от представлений благочинных, консисторий, секретарей — консисторского и архиерейского, которые обыкновенно представляют к наградам по своему особому взгляду и усмотрению и иногда несвободны от произволов. По крайней мере в практике, которую наглядно представляет каждая епархия, так бывает: родственники и знакомые секретарей, зятья и племянники членов консистории — обыкновенно прежде всех представляются к наградам и получают их. Священники лучшие и по службе и деятельности, но не состоящие в родстве и дружбе с означенными лицами, не заискивающие, обыкновенно остаются назади тех. Едва ли окажется и один из десяти представляемых, который бы был представлен к награде по личному желанию и усмотрению преосвященного. Нам возразят, как обыкновенно любят возражать всегда, когда нет силы представить что-нибудь посерьёзнее, что лицам духовного сана и неприлично заботиться о мирских отличиях; но в таком случае лучше совсем уничтожить награды, начиная прежде с лиц, считающих за *уметы вся красная в мире* — то есть с лиц монашествующих. Если же они существуют, то долг справедливости требует уравнивания прав священника по крайней мере с каким-нибудь коллежским регистратором.

с. 2 Независимо от прав на награды, священники, состоящие на действительной службе, не введены в общественное положение, как прочие граждане. Для пастырей Церкви всегда остаются одни места — в церкви — за церковными службами и вне церкви у прихожан, когда они позовут его совершать требу, или когда самому ему настоит надобность собирать с них разные подаяния. Помимо этих мест где же видно пастыря Церкви в общественных учреждениях? На этот вопрос нам ответят: зачем же лицу духовному и быть и участвовать в этих учреждениях? Но зачем же, спросим мы в свою очередь, дана ему возможность быть, например, гласным земского собрания и городской думы и членом училищного совета? Если найдено возможным дать право участия в этих учреждениях, зачем же сокращать эти права только для духовенства и не давать ему права пользоваться всеми правами, какие даёт то или другое учреждение и какими может пользоваться каждый из сословия недуховного? Зачем, например, когда лицо духовное может быть гласным земского собрания и городской думы — не может оно быть членом земской и городской управы? Скажут: эти должности несовместны с должностью священника и отобьют его от прямых его обязанностей. Мы знаем очень хорошо, как служат эти члены управы... там и председатели управы зачастую посещают управу в неделю раз или два — и совершенно свободно распоряжаются временем для исполнения своих домашних и хозяйственных нужд. Мы знаем также отлично службы мировых судей, которые открывают свои камеры в 12 часу дня и закрывают суд к 3 часам. Такие службы никогда бы не стеснили священников, и они выполнены были бы ими ничем не хуже, если не гораздо лучше нынешних служаков, зачастую не умеющих писать со смыслом. В Пруссии духовные лица заседают в парламенте и решают вместе с другими государственные дела. Говорят, что означенные должности отвлекут священников от прямых их пастырских обязанностей; но как же они совмещали их, когда бывали председателями училищных советов или когда целый день занимаются обучением детей в народных училищах? Должность председателя училищного совета поважнее и посложнее должности члена какой-нибудь управы, но вот и она передана теперь в руки дворянства. Таким образом, основание, приводимое к устранению священников от тех должностей, очень шаткое и не может быть оправдано опытом. Доколе не сделается уравнивания прав между сословиями, дотоле всё будет казаться, что они устранены от должностей, за которые полагается

жалованье, и привлечены к тем службам, за которые оно не полагается, и притом так, что за это привлечение на духовенство возложено отбывание повинностей как земских, так и городских. Между тем устранение духовенства от более видных должностей роняет его в глазах общества, — напротив, неустранение от них много бы его возвысило.

V.

Обязанности, возлагаемые современною литературою на пастыря Церкви, чрезвычайно важны и серьёзны. «Оживить религиозные интересы в обществе, возбудить и укрепить в народе сознательную и разумную преданность отечественной Церкви, провести христианские принципы в жизнь и нравы верующих, ассимилировать их во всех отправлениях этой жизни — такова не только современная, но всегдашняя задача пастырей Церкви». («Христианское чтение» за май 1874 г., стр. 131.) Видите, какие задачи возлагаются на пастыря Церкви! Если смотреть на должность пастырскую только с идеальной точки зрения, то мы не знаем и затрудняемся, где положить предел пастырской деятельности? Если бы мы сказали, что пастырь Церкви все свои мысли, всё своё сердце, все свои заботы, все свои труды, все дни и ночи должен посвятить на оживление, возбуждение и проведение христианских принципов в жизнь и нравы верующих, — то и это не будет много сказано, и это нельзя назвать лишнею деятельностью. Возлагая на пастыря Церкви столь великие и тяжёлые задачи, надобно бы подумать сперва о том, достаточно ли он имеет в своих руках средств для выполнения их. Прочитавши начертанные автором задачи пастыря Церкви, мы надеялись, что он укажет и способы, как выполнять их. И что же? Автор говорит только, что «совершающееся на наших глазах великое дело обновления нашей общественной и гражданской жизни *настойчиво* вызывает наше духовенство на то, чтобы определить своё положение в обществе более правильно, стать к обществу и к народу в те отношения, какие указываются высокою ролью религии в судьбах человечества» (там же). Не фразы ли это только одни? Положим, общественная и гражданская жизнь *настойчиво* вызывает духовенство стать в более правильные отношения к обществу и народу; да разве это зависит исключительно от пастыря Церкви? Ему приказывают стать поближе к обществу, а общество устраняется от него и к себе его не принимает: как же стать ему? Притом, чтобы действовать так решительно и влиятельно на жизнь и нравы общества и народа, надобно обладать властью и такими нравами, которые бы имели значение в обществе действительное, а не выражаемое одними словами. А какие, в самом деле, права у пастыря Церкви и гарантированы ли они? Царство Божие не от мира сего — и слуги этого царства пользуются одними духовными правами, — как то: правом учительства посредством проповеди и правом совершения святых таинств и других освящений. Но почему же эти права не оказывают надлежащих плодов духовных? Каждый пастырь Церкви, конечно, сознаёт эти права; почему всякий раз приходится напоминать о них? Не умеют, должно быть, пастыри Церкви пользоваться ими? Автор означенных принципов, видимо, разделяет это положение. Он видит застой в церковной жизни и ждёт *близкого* (?) обновления её в ряду реформ в быту духовенства, к каковым относит: *некоторый* вид самоуправления, *введение* (?) выборного начала, развитие церковно-общинной жизни *в виде* братств и церковных попечительств, реформу духовно-учебных заведений, ожидаемую реформу церковного суда. Но стоит только прочитать помещённые в «Церковно-общественном вестнике» статьи о православном духовенстве, чтобы видеть, на какие ненадёжные стимулы обновления церковной жизни указывает он. Вероятно, на эти слабые задатки обновления церковной жизни будут указывать ещё не один десяток лет. Практика жизни указывает, что *de facto* никакого самоуправления нет в духовенстве, настоящего выборного начала тоже нет, церковные попечительства из рук вон плохи, реформа духовно-учебных заведений ещё не во всех епархиях введена, реформа церковного суда ещё только обсуждается и встречает на пути к осуществлению своему страшный отпор. По поводу указанных автором способов к обновлению церковной жизни мы имеем право говорить его же словами: «Да, пора перестать убаюкивать себя стереотипною фразою об обновлении церковной жизни!» Реформы те существуют не со вчерашнего дня, а уже несколько лет; а между тем всё ещё, как и встарь, приходится говорить только о застое церковной жизни — и питать себя одними надеждами на улучшение её. Жизнь берёт своё — и радужные цветы скоро опадают. Нет, на дело пастырства нужно посмотреть поглубже, нужно стать лицом к действительному положению вещей.

с. 1

с. 2

Посмотрим, чем гарантированы духовные права пастыря Церкви, чтобы он свободно и со властью мог распоряжаться ими? Первое его право есть право учительства христианской религии и нравственности. Мы уже говорили, что проповеднический талант не может быть развит самобытно, а неприметно развивается при том отношении пасомых к своему пастырю, если они сами почувствуют и сознают свои духовные нужды, будут вполне доверчивы и преданы ему. Но такого отношения не видно, и вина тому не в пастыре, а в апатии пасомых к духовной жизни. В настоящее время, когда вещественная жизнь всею тяжестью сказывается на каждом шагу, — пасомых более интересуют и занимают способы удовлетворения нужд вещественных, чем духовных — и они охотно жертвуют последними в пользу первых. Поживите несколько времени в сельском приходе — и посмотрите, насколько свободно пастырь Церкви может распоряжаться своим правом учительства. Шесть дней в неделе суть дни самых тяжких трудов у крестьян около своих хозяйственных нужд. Крестьянин с раннего утра выходит из своего дома на дело и возвращается в него поздним вечером — в иных местах почти половина прихода уходит на фабрики и на заработки в другие губернии. Куда выходить пастырю Церкви с проповедью евангелия? Дождаться, когда у пасомого встретится треба в доме? Но её может и не случиться в иных домах в течение всего года. Дождаться воскресного и праздничного дня? Но уверен ли он, что его пасомые почтут день воскресный или праздничный? Если они и не почтут день праздничный, не придут к нему в церковь — он ничего тут не в силах сделать, и за это опущение их никто судить не будет. Скажет пастырь Церкви слово против не почитающих дни праздничные, лично наедине, если удастся, заметит им это опущение — и только. Но крестьянин более внимателен не к делам совести и чувству долга, а к тому, что тяготит его материально или доставляет ему материальную выгоду. На замеченное пастырем Церкви опущение он, конечно, не сделает возражения, но скажет коротко и ясно по своему убеждению: «что делать, батюшка, грешные люди, погрязли во грехах». Скажет он это и больше движения от него не дожидайтесь. Будет у него случай — придёт он в церковь и сам по себе, а случится какая-нибудь оказия из житейского моря — он не пойдёт в церковь, какую ему проповедь ни говорите на эту тему. Прихожане неграмотны, неразвиты духовно, не знают даже начатков учения христианского — и нисколько не заботятся о своём просвещении, — и всё-таки пастырь Церкви, кроме проповеди церковной, ничего не может сделать: прав у него более нет, и он не может лишать их за их невежество каких бы то ни было освящений. В лютеранской, например, церкви пастор должен проверить каждого прихожанина в знании вероучения христианского, чтобы допустить его к освящению святыми тайнами — и затем уже давать ему права гражданских служб.

VI.

с. 1 Кроме учительства, возложено на пастыря Церкви священнодействие, отправление церковных служб, таинств и других освящений. Право это самое священное, великое и высокое. Священник является здесь полноправным (по задаче) судиею совести пасомых. Он, например, имеет власть вязать и разрешать грехи их — удаивать и не удаивать их святого причащения. Правила, начертанные ему для руководства в сём великом деле, довольно определённые и ясны. «Недостойнии, — пишется, например, в служебнике, — всячески от такового таинства отлучены да будут, и явнии грешницы, блудники, наложниц имеющи и всякое безчинство, зазор и укор творящи, донеле же истинно не покаются, и соблазны, их же яве содеяша, покаянием своим явленно не потребят, причастия святых таинств никакого же да сподобятся». Кажется, ясно правило? Будь оно у католического духовенства — тогда всякий почувствовал бы силу его; но у нашего духовенства оно бессильно и неприложимо. Положим, у священника нашёлся бы в приходе явно имеющий наложницу и разгуливающий среди белого дня с своими незаконными детьми даже в общественных собраниях. Священник в силу означенного правила отлучил бы его от святого причащения и подверг бы его епитимии. И что же бы отсюда вышло? Грешник этот, особенно из чиновного люда — например, исправник, мировой судья и тому подобный, никогда бы не простил священнику за это оскорбление (у нас любят пользоваться особыми привилегиями и в делах священнейших, какими пользуются в делах общественных). Он написал бы официальную жалобу к архиерею, потребовал бы суда формального над священником; на суде стал бы доказывать, что живёт с ним не наложница его, а какая-нибудь сестра его или просто экономка с детьми, которую он из сострадания взял к себе на попечение, и очень легко явился бы не грешником, которого следовало бы карать, а таким благодетелем

рода человеческого, которого бы надлежало награждать и ставить в пример любви к ближнему. Священник, таким образом, скорее всего сам подвергся бы позору и сраму и понёс бы наказание. Но если допустим, что совесть того грешника устыдилась бы защищать своё незаконное гласное дело; что же? На следующий год он и не заглянет на исповедь к строгому судии его совести; он свободно перейдёт к другому батюшке, который с радостью примет к себе нового прихожанина, и не задумается оказать ему всякое снисхождение и все милости. Переходы эти из одного прихода в другой, особенно лиц служащих, у нас так обыкновенны и так небрежно поставлены, что и говорить о них тяжко. Но если бы и все приходские священники высоко и строго смотрели на свои обязанности — то у каждого отъявленного грешника есть убежища, в которых он может найти потворство какому угодно пороку; так, например, иные бегут от докучливого священника в монастыри, и находят там духовников, дающих лёгкое отпущение грехов без всяких неприятных последствий. А если бы тот грешник не захотел обратиться и в монастыри, — то безнаказанно может остаться и совсем без исповеди и святого причастия. Гражданские права этих лиц нисколько не теряются. Даже новые общественные учреждения не спрашивают с своих служащих — какой они христианской жизни, не подают ли свою незаконную жизнь соблазна и смущения честному нравственному чувству и не наносят ли бесчестия христианскому жительству. Явно и открыто живущих в гражданских браках, имеющих детей от незаконного сожительства, избирают в мировые и почётные судьи, в члены училищных советов, даже (страшно выговорить!) в члены попечительных советов в женские прогимназии и училища!.. Пастырь Церкви захотел бы строго защищать интересы религии и нравственности христианской, а общество, частью по своему невежеству, а больше по крайнему равнодушию к религиозным принципам и задачам, как бы наперекор, возвышает этих лиц — и таким образом совершенно обессиливает и затаптывает честные религиозные стремления пастыря Церкви. Этот разлад религиозной жизни с жизнью общественной никогда не возвысит духовенства — и всегда оно останется изолированно, бессильно, униженно, какие вы по теории ни возлагаете на него задачи. Такое положение дел общественной жизни крайне печально отзывается на нашем простом народе, в отношении религиозно-нравственном. Народ наш вообще и на дело религии смотрит всего более с реальной точки зрения и не углубляется в отвлечённые нравственные идеалы. В своё время он официально расстался с язычеством и довольно легко принял христианство, привив к себе по преимуществу внешнюю, практическую его сторону — обрядность, а принципы оставив в стороне. Выполняя официальные требования Церкви, он в жизни своей руководится или прирождённым смыслом, или установившеюся доктриной общественной жизни; отсюда нигде нет столько противоречий между выполнением религиозных внешних обрядов и поступками, как в нашем народе, и нигде нет столь быстрых и лёгких переходов из православия в раскольнические секты, как в нём же. Наглядные примеры служащих лиц, которые являются часто судьями и начальниками его, но которые не представляют из себя живых примеров религиозно-нравственной жизни, ещё более утверждают в нём только внешнюю сторону религии, без духа и жизни истинной. При такой постановке дела сам пастырь Церкви — проповедник и проводник религиозной жизни в народе, представляется ему человеком, нужным только с официальной стороны. Встретилась у крестьянина нужда религиозного характера — он обращается за удовлетворением её к священнику — и совсем не для того, чтобы принять его, как проповедника христианской нравственности, а потому, что не к кому ещё больше обратиться ему; ему нужно, чтобы треба была совершена, как это заведено исстари, а он знает, что священник поставлен на то, чтобы совершать её, потому и обращается к нему. На его замечания и назидания в уклонении его от религиозно-нравственной жизни он мало обращает внимания, потому что видит на опыте, что даже для занятия видного положения в общественной жизни не требуется чистота нравственной жизни. Изрекаются (в неделю православия) анафемы отступникам от православия и беззаконникам; но наши проклятия не папские проклятия, и наша борьба с неверием и пороком есть больше борьба слова без дела. Таким-то образом и духовные права пастыря Церкви — остаются больше правами, существующими в теории без практического приложения. Общественная жизнь идёт особым течением и часто совершенно в разлад с религиозными требованиями. Следовательно, и вопрос о возвышении духовенства связан тесно с вопросом общественной жизни. Другими словами: он может быть разрешён удовлетворительно только тогда, когда христианские православные принципы признаются непременно нужными в службе для общественных деятелей.

VII.

- с. 1 Бедные средства содержания духовенства и самый способ добывания их окончательно унижают духовенство и роняют его в глазах всех сословий. Бедность нашего духовенства существует не в воображении только, но засвидетельствована официально. Вопрос об улучшении его быта из теории перешёл в дело, и само правительство принялось за осуществление его посредством сокращения приходов. Возложение на попечение духовенства духовных училищ осязательно раскрыло бедные средства его. Заведение общежитий при учебных заведениях, перестройки училищ в сообразность новому уставу, учреждение при них особых надзирателей встречают везде отпор, именно за недостатком средств. Духовенство готово отказаться совсем от училищ (особенно женских), когда *принуждают* его улучшить их своими средствами. Норма, поставленная для улучшения быта священника, в 400 р. — есть такая незначительная сумма, которая разве малым чем отличит его от всякого порядочного крестьянина. Крестьянин по своему положению не имеет тех расходов, какие обязан иметь священник. С крестьянина никто не взыскивает, если он ходит босиком, в рубахе или сером кафтане. Священник не только сам должен носить приличную одежду, но и шить её для своей семьи. Крестьянину устраиваются даровые училища для образования его детей; священник обязан воспитывать и содержать в училищах своих детей — и жертвовать на самые училища. Разных налогов у священника наберётся не менее, чем у крестьянина. Принятая система улучшения быта духовенства не только не улучшила его быта, но во многих местах ухудшила и поставила его едва не во враждебное положение с приходом. Приписанный к самостоятельной церкви приход не считает себя обязанным улучшать быт навязанного ему священника, — так как-де он приписан насильно. Священник для успокоения огорчённых новых прихожан переезжает жить в приписанный приход; тогда оставленный им приход возмущается и не даёт ему за требы прежних возмездий, на том основании, что теперь они-де не одни и что можно давать поменьше. Да, давать — и получать? Что это за унижительный и неестественный способ добывания денег, посредством совершения религиозных освящений? Ни одной требы, ни одного священнодействия в приходе нет бескорыстного: каждый раз священник должен протягивать руку для получения подаваний. Так заведено и так каждая сторона знает, то есть и причт и приход, что если первый пришёл совершить требу, то должен получить за неё вознаграждение, а прихожане, видящие совершителей, должны давать деньги. Будет ли причт позван на радостный случай прихожанина или на печальный — к больному, умирающему или умершему, каждый раз требуется разделка: одной рукой прихожанин должен утирать слёзы по умершем, а другой отсчитывать деньги. Посмотрите в городах на улицы в праздники Рождества Христова и в Пасху: что это за народ наполняет распутия и стогны града и халуги? Что это за народ, собравшийся кучками, спешит опередить один другого, или стоит у ворот мирских людей? Это служители Церкви Божией, это представители и проповедники религии собирают содержание себе! И вот иногда постоят пред домом именитого купца или неименитого дворянина — и пойдут далее, услышав от какого-нибудь дворника или дворовой девки, что *не время, не принимают!* А священник приходит к прихожанину не только собирать, но и творить дело Божие! Сколько мучений и нравственных потуг должен вынести он при таком унижительном способе добывания средств! Идеалисты, представляя пастырское служение с одной священной высоты его, указывают священнику и задают ему задачу — проводить дух религии при всяком сношении его с прихожанами: пусть попробуют сами проповедовать христианские принципы и оживлять религиозные интересы в обществе, стоя у ворот на морозе! Да если бы он вошёл и в дом прихожанина — например, во время хождений по домам в праздник Рождества Христова, то представьте такую перспективу: вот он прославил Христа, поздравил хозяина с праздником, — а хозяин озабочен тем, как бы разделаться с причтом, — и как наличные деньги не всегда
- с. 2 бывают в доме крестьянском, — то разделка часто бывает натурою, например овсом, рожью, а инде веретёнами. Священник должен, по задаче, сказать какое-либо назидание, объясняющее смысл и значение праздника, а хозяин отмеривает ему положенное число овса или отсчитывает веретена: какая будет постепенность и естественность в назидании! Дело священное низведётся, таким образом, в разряд дел самых неприглядных. А между тем эти унижительные способы собирания доходов обойти нельзя; они существенные средства содержания причта. Вот и потчуют духовенство именами, посрамляющими духовное звание, что *оно берёт и с живого и с мёртвого*. Народ наш, как мы замечали выше, не любит доходить до сознательных теорий, а смотрит на всё с реальной точки зрения; на него производит сильное впечатление лицеза сторона пастырского служения — и по ней судит исполнителей его. Он видит священника

всюду собирающим подаяния — а себя подающим ему, и потому не церемонится называть его *жадным, корыстолюбивым* и тому подобным. Об уважении тут и речи не может быть и требовать нельзя, как не может требовать раб от своего господина, который доставляет ему содержание. Таким образом, доколе будут существовать эти унижительные способы добывания скудных средств жизни духовенства — доколе нечего и помышлять об уважении его со стороны общества. Нечего также доколе и мечтать о приливе в духовенство новых сил из других сословий. О дворянском сословии и толковать нечего, чтобы кто-нибудь поступился своими правами и пошёл на вольные страдания, лишения и унижения. На купеческое сословие также нечего рассчитывать: 400 р., положенные священнику, каждый мелочной торговец выручит на каких-нибудь пустяках, не выходя из своей лавки, чувствуя себя совершенно самостоятельно и независимо. Какой же купец отпустит своего сына, не говоря о низших степенях клира, даже в священники, когда он с такою важностью принимает у себя в доме священника и с таким самодовольством видит поклонения себе от причта за раздаваемые им ему крупички от полного изобилия? Каждый служащий у него в конторе получит 400 р. без особого труда и унижения. Каждый рабочий знает цену своему труду — и сам оценивает его; духовные лица, совершая разные требы, не знают, какое им последует вознаграждение — и потому имеют весьма большое сходство с нищими, просящими под окном.

VIII.

Если обратить внимание на духовно-учебные заведения — эти рассадники духовного просвещения, в которых воспитываются будущие пастыри Церкви, то нельзя не заметить, что они, несмотря на попечения о них правительства, остаются в положении далеко не так цветущем, в сравнении с светскими учебными заведениями, чтобы могли привлекать силы из других сословий. Бедность ученических помещений и содержания, крайняя пестрота одежды, преобладание внешних требований от учеников над внутренним их развитием, усиленные надзоры инспекции, несвободные всё ещё от прежнего подавляющего монашеского влияния, выходы из семинарий в псаломщики и затем в священники с 400 р. содержания — отбивают всякую охоту у свободных сословий отдавать детей в духовно-учебные заведения. Примеры самих воспитанников семинарий, у которых наболело сердце, видя своих отцов в унижении и зависимости от каждого крестьянина, и которые оттого бегут без оглядки из семинарий при малейшей возможности, чтобы поступить в светские учебные заведения и не служить в духовном ведомстве — суть самые твёрдые камни преткновения для помещения детей своих в духовно-учебные заведения. Служебные поприща начальников и преподавателей в духовных учебных заведениях, несравненные в служебных преимуществах и в правах получения пенсий и жалованья, по-прежнему изолируют эти заведения от светских. Тогда как преподаватели гимназий и даже низших училищ министерства народного просвещения, по выслуге 25 лет, получают в одно и то же время и жалованье и пенсию по полному окладу жалованья и, по выслуге 5-ти лет за свыше 25-летнюю службу получают пенсию в увеличенном размере, — преподаватели семинарий и училищ до сих пор остаются с нищенскою пенсией и лишены права, по выслуге 25-ти лет, получать и жалованье и пенсию. Общественные преимущества начальников светских учебных заведений пред начальниками духовно-учебных заведений — ослабляют и даже унижают значение последних в глазах общества. Тогда как директора гимназий и штатные смотрители, не всегда умеющие писать со смыслом, суть непременно члены училищных советов с преимущественным правом пред прочими членами наблюдать за педагогическою частью и учебниками в народных училищах, женских гимназиях и прогимназиях, — ректоры семинарий и смотрителя духовных училищ — иногда магистры и кандидаты духовных академий, совершенно устранены от этого важного народного дела. Сюда же надобно отнести и недавнее распоряжение, по которому воспитанники семинарий, желающие учиться в высших светских учебных заведениях, обязаны держать экзамен зрелости в светских гимназиях. Это право, данное гимназиям и не данное семинариям, самым наглядным образом уничтожает значение семинарий и подрывает доверие к состоятельности как самого обучения в них, так и преподавателей их. Недаром лица духовные, пользующиеся сравнительно лучшими средствами содержания, и сами преподаватели духовно-учебных заведений не отдают своих детей учиться в духовные училища, а образуют их в светских.

Говорить ли, наконец, о том положении духовенства, которое занимает оно в отношении к своей администрации духовной? Об этом столько уже написано было, что говорить ещё

с. 1

значило бы повторять одно и то же. Духовенство до сих пор находится в приниженном, страдательном положении. Оно не ведёт самостоятельной жизни, а живёт только по указаниям от начальства, к которому оно состоит чуть не в рабском подобоострастии. Лица священные, представители религии, аттестуются благочинными, *какого они поведения*, чего нет ни в одном сословии. Награды и милости архипастырские зависят от усмотрения членов консисторий, секретаря консистории и секретаря канцелярии архиерейской (печальное произведение нового времени). Заявленный справедливый голос лица духовного против злоупотреблений — часто преследуется как преступление и возбуждает гнев архипастырский, но клевета и донос мещанки, крестьянки, а тем более богатой купчихи — хотя и несправедливые и незаконные — принимаются к сведению, на замечание. Обновления своей жизни духовенство ждёт—не дожждётся.

с. 2 Из сказанного доселе ясно становится, что если духовенство наше не пользуется уважением общества и находится в приниженном, страдательном положении, то истинные причины тому следующие:

- 1) Духовенство наше не имеет прав гражданских и не введено в общественную жизнь так близко, как стоят к ней другие сословия;
- 2) духовные права пастыря Церкви стеснены и ограничены и не гарантированы как должно;
- 3) средства содержания его бедны, а самый способ приобретения их унизителен;
- 4) духовно-учебные заведения и права служащих в них не сравнены со светскими, и наконец
- 5) собственное административное его положение требует неотложного изменения и улучшения.

Несмотря, однако, на своё печальное положение, духовенство наше, как свидетельствует история, честно и верно и с полной преданностью Церкви и государству служило свою службу, по мере своих сил. Никогда не заметно было в нём никаких волнений и противодействий мерам правительства. Оно всегда тёплым сочувствием отзывалось на нужды государства и общества и несло свои лепты, когда требовала нужда, на удовлетворение их из своих скудных средств. В тяжёлые годы отечества оно бодро стояло на своей страже и возбуждало и поддерживало в народе дух преданности к престолу и Церкви православной, — и потому оно вправе надеяться, что ему наконец будет дано настоящее, подобающее положение.